

Фото 1 – Митинг немецких солдат на станции Лунинец, 1918 г. (коллекция автора).

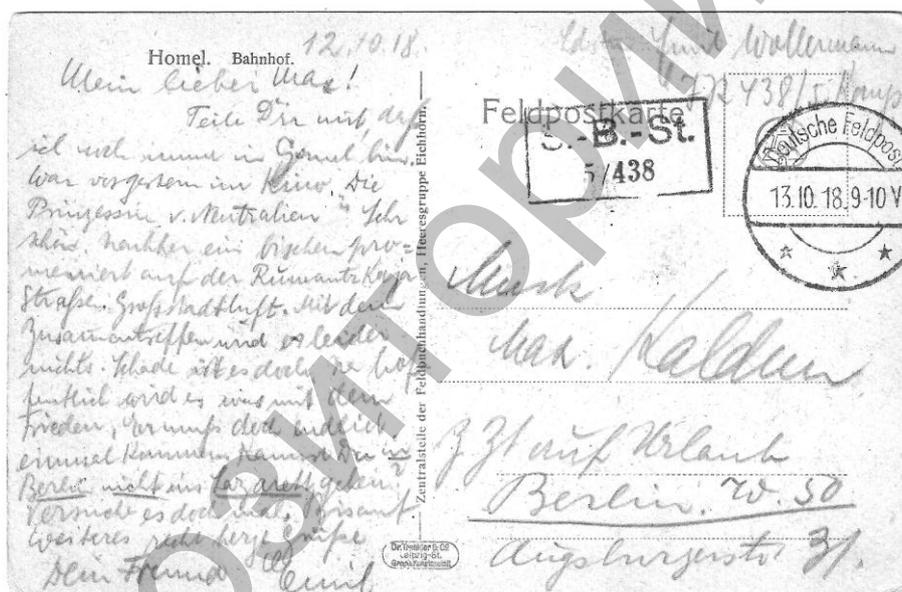

Фото 2 – Письмо Э. Воллерманна (коллекция автора).

Космач В.А.

«ЗАПИСКИ» М.В. РОДЗЯНКО О НАЧАЛЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Одним из значимых источников по истории революции 1917 года являются «Записки» последнего председателя IV Государственной Думы М.В. Родзянко. В своих «Записках» он выделил четыре категории причин, которые привели, с его точки зрения, к Февральской революции. Это: негативное и огромное влияние кружка Распутина, служившего интересам Германии, на императрицу Александру Фёдоровну, а через неё – на всю политику верховной власти и правительства; неумелые и несогласованные действия власти во внутренней политике, особенно в области экономической жизни, в сочетании с неумением власти решительно противостоять необыкновенно интенсивной немецкой агитации, ведущейся против России на немецкое золото. «К третьей категории причин, – подчёркивал М.В. Родзянко, – вызвавших легкость, с которой совершился переворот, я отношу начавшееся разложение Армии... Наконец четвертая причина революции была чрезвычай-

чайная, и во всем, двойственность правительственной внутренней политики. Эта система имеет два лица донельзя раздражала русское общество, так как никто заранее не знал, как поступит завтра Правительство, так ли, как сегодня, или совсем наоборот. В искренность заявления Правительства русское общество поэтому перестало верить, зная, что оно меняло свой курс с поразительной легкостью. ... Все эти явления, вызывавшие негодование, одновременно подтачивали доверие страны к Государственной власти, не умеющей наладить государственную жизнь, и лишали уверенности в завтрашнем дне и в победном исходе кампании» [1, с. 278–280].

Начиналась Великая Российская (Русская) революция известными февральско-мартовскими событиями 1917 г. в Петрограде, вокруг которых, по-прежнему, много загадок и «белых пятен», т.е. вопросов пока что без однозначных ответов. Не исключение в этом и первый день революции 1917 г. – 23 февраля по старому и 8-го марта по новому летосчислению (стилю). На улицы Петрограда тогда вышли женщины, работницы и домохозяйки, с требованиями «Хлеба!» и «Долой войну!». Но хлеб в Петрограде был. Ни о каком голоде и даже недоедании и речи не могло быть. Благодаря самоотверженной деятельности министров путей сообщения и земледелия А.А. Риттиха и Э.Б. Кригера-Войновского в столице были своевременно накоплены хлебные запасы [2, с. 44]. Генерал-лейтенант Хабалов (командующий войсками Петроградского военного округа) утверждал, что их хватило бы на 10-12 дней, причём, поезда с хлебом непрерывно прибывали в столицу – в среднем по 25 поездов в день. По оценке петроградского градоначальника, генерала А.П. Балка, хлеба в столице должно было хватить более чем на три недели [3, с. 244].

М.В. Родзянко писал, что «волнения начались на почве отсутствия продовольствия. Но это было предлогом, а об истинных причинах все возрастающего народного негодования я уже достаточно говорил. По имевшимся в моем распоряжении сведениям, волнения, возникшие в столице, стали быстро передаваться в другие города. Уже 25 февраля 1917 года волнения в столице дошли до своего апогея. Утром мне дали знать, что часть заводов, расположенных на Выборгской стороне и на Васильевском острове, забастовала, и толпы рабочих двинулись по направлению к центру столицы...». 25 февраля Родзянко по телефону в Гатчину дал знать Великому Князю Михаилу Александровичу о происходящих событиях. «27 февраля Великий Князь Михаил Александрович прибыл в Петроград, и мы имели с ним совещание... Великому Князю было во всей подробности доложено положение дел в столице и было указано, что еще возможно спасти положение: он должен был явочным порядком принять на себя диктатуру над городом Петроградом, понудить личный состав Правительства подать в отставку и потребовать по телеграфу, по прямому проводу, манифеста Государя Императора о даровании ответственного министерства.

Нерешительность Великого Князя Михаила Александровича способствовала тому, что благоприятный момент был упущен. Вместо того, чтобы принять активные меры и собрать вокруг себя еще непоколебленные в смысле дисциплины части Петроградского гарнизона, Великий Князь Михаил Александрович повел по прямому проводу переговоры с Императором Николаем II, получил в своих указаниях полный отказ, и таким образом, в этом отношении попытка Государственной Думы потерпела неудачу. При этой беседе с Великим Князем и выше названными членами Государственной Думы присутствовал и Председатель Совета Министров Князь Голицын». Попытки уговорить его выйти в отставку и облегчить Николаю разрешение все возрастающего конфликта не удались. Князь Голицын объяснил, что в минуту опасности он своей должности не оставит, считая это позорным бегством, и этим только еще больше усложнил и запутал создавшееся положение.

«В ночь с 26 на 27-е февраля мною был получен указ о перерыве занятий Государственной Думы, и таким образом возможности мирному улажению возникающего конфликта был положен решительный предел, и тем не менее Дума подчинилась закону, все же надеясь найти выход из запутанного положения, и никаких постановлений о том, чтобы не расходиться и насильно собираться в заседания, не делала. Беспорядки начались с военного бунта запасных батальонов Литовского и Волынского полков. Рано утром началась в районе расположения этих полков перестрелка, и мне по телефону дали знать, что командир Литовского батальона (фамилию забыл) убит взбунтовавшимися солдатами и убито еще два офицера, а остальные г.г. офицеры арестованы. С трудом удалось успокоить взволнованные части эти и убедить их выпустить арестованных офицеров. Таким образом, революция началась с военного бунта тех самых запасных батальонов, о печальном состоянии которых я писал выше.

Злоба озверевших людей сразу направилась на офицеров... Среди дня 27 февраля произошли первые бесчинства: был разгромлен Окружной Суд и Главное Артиллерийское Управле-

ние, также Арсенал, из которого было похищено около 40 тысяч винтовок рабочими заводов, которые сейчас же были розданы быстро сформированным батальонам красной гвардии. Толпы народа, вооруженные чем попало, стали появляться тут и там на улицах города: вечером того же дня значительные толпы инсургентов загрохотали уже собою улицы столицы кое-где происходили беспорядки, столкновения между ними и вызванными частями войск»[1, с. 294–297].

«27-го февраля, – отмечал далее М.В. Родзянко, – Председатель Совета Министров, Князь Голицын, уведомил меня, что он подал в отставку, как и все члены Правительства. Таким образом, создалось такое безвыходное положение, перед которым меркли все самые широкие революционные идеи. При наличии военных действий и войны, при необходимости самого строгого порядка и самого ответственного исполнения Правительством своих обязанностей, при наличии нарождавшейся революции – в столице не оказалось центральной власти. Из Ставки никаких распоряжений от Императора Николая II не поступало, и город Петроград был предоставлен нарождающейся безбрежной анархии.

Как я уже говорил, был разгромлен Арсенал, горел Окружной Суд, горели и разгромялись все полицейские участки, и от власти никаких указаний и распоряжений, что делать, не было Государственной Думе ничего не оставалось другого, как взять власть в свои руки и попытаться хотя бы этим путем обуздать нарождающуюся анархию и создать такую власть, которую бы послушались все и которая способна была прекратить нарождающуюся беду. Конечно, можно было бы Государственной Думе отказаться от возглавления революции, но нельзя забывать создавшегося полного отсутствия власти и того, что при самоустранении Думы сразу наступила бы полная анархия и Отечество погибло бы немедленно. Дума была бы арестована и перебита в полном составе бунтующими войсками, и власть сразу очутилась бы у большевиков, а между тем Думу надо было беречь хотя бы как фетиш власти, который все же сыграл бы свою роль в трудную минуту».

Две телеграммы Председателя Государственной Думы 26 и 27 февраля Императору о том, чтобы поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство, остались без ответа. «Только 28 февраля генерал Рузский уведомил, что Государь Император, наконец, решился даровать стране ответственное министерство и вручает Председателю Государственной Думы формирование Кабинета.

«Этим манифестом, однако, положение запуталось еще более, ибо, пока происходили сомнения и колебания Императора Николая II, события шли своим чередом и разрешения синего не ожидали»[1, с. 298–299].

Далее М.В. Родзянко писал, что «Уже 27 февраля был образован Временный Комитет Государственной Думы для сношения с населением и для приведения расшатанных устоев в нормальное состояние, который обратился к населению со следующим воззванием: «Временный Комитет членов Государственной Думы при тяжелых условиях внутренней разрухи, вызванной мерами старого Правительства, нашел себя вынужденным взять в свои руки восстановление государственного и общественного порядка. Сознывая всю ответственность принятого им решения, Комитет выражает уверенность, что население и Армия помогут ему в трудной задаче создания нового Правительства, соответствующего желаниям населения и могущего пользоваться его доверием»[1, с. 299–300].

Судя по «Запискам» М.В. Родзянко, командующий армиями Северного фронта генерал Н.В. Рузский предлагал ему возглавить правительство, но он отказался. «Председателю Государственной Думы оставить Государственную Думу без главы, приняв в свои руки власть исполнительную, представлялось тоже совершенно невозможным, так как Дума была временно распущена и выбирать ему заместителя было невозможно»[1, с. 300]. М.В. Родзянко заявил, что «при настоящем положении дел единственный исход для Императора Николая II – это отречься от престола в пользу сына». «Я утверждаю совершенно категорически, что это комбинация, вне всякого сомнения, была бы принята, и волнения, по всей вероятности, в значительной мере были бы успокоены. Тем не менее Император Николай II не поверил Указаниям Председателя Государственной Думы и запросил своего Начальника Штаба и всех Главнокомандующих фронтами о том, каково их мнение по поводу указаний, сделанных ему Председателем Государственной Думы».

... Ответы Командующих фронтами и Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего были получены Императором Николаем II в тот же день. Все лица, запрошенные им, единогласно ответили, что для блага Родины Его Величеству нужно отказаться от престола.

«... Привожу из доклада о поездке своей в Армию одного из членов Думы, записанный со слов генерала Рузского, рассказ о последних словах отрешившегося Императора: он снял с себя

фуражку, стал перед образом, который был в углу вагона, перекрестился и сказал: «Так Господу Богу угодно, и мне надо было давно это сделать». Подписывая поданное генералом Рузским отречение и отдавая ему текст подписанный, он сказал: «Единственный, кто честно и беспристрастно предупреждал меня и смело говорил мне правду, был Родзянко», и с этими словами повернулся и вышел из вагона. Привожу эти слова, для меня дорогие и знаменательные, не для самовосхваления, а как доказательство, что от Царя ничего не было скрыто»[1, с. 300–301].

Но есть и другие, прямо противоположные свидетельства, которые говорят о том, что в отстранении от власти Государя и династии Романовых ключевую роль сыграл заговор верхушки Государственной Думы, Государственного Совета и военных. Во главе заговора стояли М.В. Родзянко, А.И. Гучков, А.В. Кривошеин, В.В. Шульгин, генералы Н.В. Рузский и М.В. Алексеев. По воспоминаниям барона Фредерикса, известным в изложении графини М.Э. Клейнмихель, Н.В. Рузский грубым насилием принудил колеблющегося царя подписать заготовленное отречение от престола. Рузский держал Николая II за руку, другой рукой прижав к столу перед ним заготовленный манифест об отречении и грубо повторял: «Подпишите, подпишите же. Разве Вы не видите, что Вам ничего другого не остаётся. Если Вы не подпишите – Я не отвечаю за Вашу жизнь». Николай II во время этой сцены смущённо и подавленно смотрел вокруг [4, с. 59–60].

«Для получения подлинного отречения Императора Николая II, – писал уже будучи в эмиграции М.В. Родзянко, – Председатель Государственной Думы, который не имел возможности ни на один шаг оставить столицу по сумме разных причин, были командированы: Член Государственного Совета А.И. Гучков и Член Государственной Думы Шульгин. Лица эти, прибыв в Ставку в Псков, явились к Государю и получили уже готовое отречение в пользу Великого Князя Михаила Александровича. Отречение было подписано 2 марта 1917 года. Здесь уместно самым категорическим образом отвергнуть и опровергнуть все слухи о том, что командированными лицами производились какие-то насильственные действия, произносились угрозы, с целью побуждения Императора Николая II к отречению. Вышеприведенный мною дневник Царя не оставляет в этом никаких сомнений, и я с негодованием отвергаю все эти слухи, распускаемые крайними элементами, о наличии подобных действий со стороны лиц, безупречных по своему прошлому за время своей государственной деятельности.

Таким образом, Верховная власть перешла, якобы, к Великому Князю Михаилу Александровичу, но тогда же возник для нас вопрос, какие последствия может вызвать такая совершенно постановка вопроса и возможно ли воцарение Михаила Александровича, тем более, что об отказе за сына от престола в акте отречения не сказано ни слова. Прежде всего, по действующему закону о престолонаследии царствующий Император не может отказаться в чью-либо пользу, а может этот отказ произвести лишь для себя, предоставляя уже воцарение тому лицу, которое имеет на то законное право, согласно акта о престолонаследии.

Таким образом, при несомненно возрастающем революционном настроении масс и их руководителей, мы, на первых же порах, получили бы обоснованный юридический спор о том, возможно ли признать воцарение Михаила Александровича законным. В результате получилась бы сугубая вспышка со стороны тех лиц, которые стремились опрокинуть окончательно монархию и сразу установить в России республиканский строй. По крайней мере, член Государственной Думы Керенский, входивший в состав Временного Комитета Государственной Думы, без всяких обиняков заявил, что если воцарение Михаила Александровича состоится, то рабочие города Петрограда и вся революционная демократия этого не допустят. ... Для нас было ясно, что Великий Князь был бы немедленно убит и с ним все сторонники его, ибо верных войск уже тогда в своем распоряжении он не имел и поэтому на вооруженную силу опереться бы не мог. Великий Князь Михаил Александрович поставил мне ребром вопрос, могу ли ему гарантировать жизнь, если он примет престол, и я должен был ему ответить отрицательно, ибо, повторяю, твердой вооруженной силы не имел за собой. Даже увезти его тайно из Петрограда не представлялось возможным: ни один автомобиль не был бы выпущен из города, как не выпустили бы ни одного поезда из него. Лучшей иллюстрацией может служить следующий факт: когда А.И. Гучков вместе с Шульгиным вернулись из Пскова с актом отречения Императора Николая II в пользу своего брата, то Гучков отправился немедленно в казармы или мастерские железнодорожных рабочих, собрал последних и, прочтя им акт отречения, возгласил: «Да здравствует Император Михаил!», но немедленно же он был рабочими арестован с угрозами расстрела, и Гучкова с большим трудом удалось освободить при помощи дежурной роты ближайшего полка.

Несомненно, что были и сторонники Великого Князя Михаила, и его воцарение означало бы начало гражданской войны в столице. Возбуждать же гражданскую войну, при наличии войны на фронте и ясного понимания нами, что гражданская война вызовет такую смуту в тылу, которая лишит Действующую Армию необходимого подвоза пищевых и боевых припасов, – на это мог решиться только Ленин, но не Государственная Дума, задача которой рисовалась в этот ужасный момент не в возбуждении страстей, а в умиротворении и приведении взволнованного моря народной жизни в должное успокоение. Такой мерой было, несомненно, отречение Императора Николая II и воцарение Цесаревича Алексея Николаевича при регентстве Великого Князя Михаила Александровича. Но упущение времени смерти невозвратной подобно, и было уже поздно. В революционную эпоху события мчатся с такой головокружительной быстротой, что то, что еще сегодня представлялось возможным, завтра делается уже невозможным к осуществлению. Так было и в этом случае» [1, с. 301–303].

Такова версия событий, изложенная одним из непосредственных участников, а потому и заинтересованным в положительных для себя их интерпретациях.

1. Родзянко, М.В. Крушение империи и Государственная Дума и февральская 1917 года революция. Полное издание записок Председателя Государственной Думы. С дополнениями Е.Ф. Родзянко. – М., 2002.
2. Стрелочники революции. В катастрофе 1917 года обвинили министров путей сообщения и земледелия, спасших Петроград от голода // Родина. – 2016. – № 10. – С. 44–49.
3. Курлов, П.Г. Гибель Императорской России / П.Г. Курлов. – М.: Современник, 1992.
4. Багдасарян, А.О. Военно-государственная и общественно-политическая деятельность Н.В. Рузского (1854–1918) / А.О. Багдасарян. – М., 2013.
5. Холяев, С. В. Трансформация «Союза 17 октября» в сторону революции / С.В. Холяев // Вопросы истории. – 2016. – № 10. – С. 59–65.

Назарова Е.Л.

ПИСЬМА К Н.А. РУБАКИНУ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ЛАТЫШЕЙ (1911–1922 гг.)

Переписка выдающегося русского ученого, педагога, создателя системы самообразования для широких народных масс Н.А. Рубакина (1862–1946) со своими читателями и ученикам – очень важный и до сих пор не изученный источник по истории Российской империи и ее народов. Особая ценность и содержательность писем как исторического источника проистекает из основного принципа самообразования, предложенного Рубакиным: человеку, стремящемуся самостоятельно освоить знания, необходима постоянная помощь, а потому учитель должен иметь максимальную информацию об ученике.

Система самообразования для Российской империи, где среднее образование не было доступно для большей части жителей, оказалась чрезвычайно востребованной. Перу Рубакина принадлежали многочисленные книги и статьи по различным наукам и событиям в обществе, из которых читатель получал новые знания в наиболее доступном для малообразованного человека изложении [1]. Общеобразовательные статьи публиковались и в нескольких популярных журналах «Журнал для всех» («Новый журнал для всех»), «Вестник знания» с приложениями и др., причем в них были рубрики «вопросов и ответов», в которых читатели могли письменно задавать Рубакину интересующие их вопросы. Кроме того он неоднократно публиковал анкеты для тех, кто хочет обратиться к нему за помощью и которая помогала ему составить программу для желающего заняться самообразованием.

В анкете он просил сообщать читателя сведения о возрасте, профессии, образовании, отношении к природе, научных и общественных интересам, знакомстве с литературой, планах на будущее. За 30 с лишним лет он помог по переписке более, чем 10 тыс. своих заочных учеников (подавляющее большинство – до распада империи) [4, с. 7] Поскольку большинство его корреспондентов, подробно отвечали на вопросы анкеты, письма не только содержат информацию о самих учениках Рубакина, но и характеризуют российское общество предреволюционного времени. Кроме того, некоторые из заочных учеников советовались с Рубакиным по различным жизненным проблемам, рассказывали о ситуации в семье и о тех людях с которыми они постоянно общались. Эти сведения также несут важную информацию для представления о Российской империи начала XX в.

Среди учеников были представители из разных регионов и многих наций Российской империи. Сгруппированные по национальному принципу письма позволяют изучать историю от-